

УДК 94(47).024

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА КИЕВСКОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ

Князьков А. А.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Изучение русско-византийских отношений IX-X вв. чрезвычайно затруднено по целому ряду причин, главная из которых – неполнота и фрагментарность источников. Базовое представление о контактах двух государств можно получить благодаря самому популярному и лёгкому для восприятия источнику – Повести временных лет (в первую очередь, в Лаврентьевской редакции) [13; 14]. Другие летописи и агиография, а также (в большей степени) византийские и внешние источники помогают заполнить пробелы и уточнить спорные вопросы. Но даже с их учётом история русско-византийских отношений распадается на отдельные эпизоды – такие, как нападение Аскольда и Дира в 860 г., война Святослава в 967-971 гг., взятие Херсона в 988 г. и т.п. Тем не менее, внимательный анализ источников и критический подход к ним должны способствовать работе по реконструкции целостной картины событий, дать возможность проследить, как развивалась дипломатия обоих государств, какие стратегии в своей внешней политике они исповедовали.

Стратегия Византии по отношению к Руси известна нам из «первых уст» – её сформулировал император Константин Багрянородный в труде «Об управлении империей». Это концепция «сдерживания»: росов сдерживают печенеги, находясь в войне с которыми, росы не могут подойти к Константинополю ни для войны, ни для торговли [1, с. 95]. Кроме того, с Константином связан один из хорошо известных эпизодов русско-византийских отношений – визит княгини Ольги в Константинополь, который в некоторых источниках связывается с принятием христианства. Ввиду противоречивости данных, перед исследователем религиозной политики Ольги стоят две основные задачи: выяснить, каким образом связаны и связаны ли вообще крещение княгини и её визит в Византию; попытаться найти другие сведения о религиозной политике, проводимой княгиней, и совместить их в единую картину с общеизвестными данными, которые сообщают нам летописи.

Дипломатия княгини Ольги, на первый взгляд, подробно было описана очевидцем и действующим лицом этих событий – всё тем же Константином Багрянородным в труде «О церемониях» [II, 15] [6]. Тем не менее, его описание не так уж богато сведениями о собственно русско-византийских отношениях. Цель Константина Багрянородного – пересказать дворцовые формальности, поэтому в тексте много церемониальных деталей и почти ничего не говорится о дипломатии как таковой. О христианстве Ольги он не упоминает, и единственный намёк на её религиозные взгляды – присутствие при ней «священника Григория» (намёк спорный, ведь христиане могли быть в свите княгини). Из более поздних византийских авторов о визите пишут авторы ряда хроник, заимствовавшие материал друг у друга, – Иоанн Скилица, Георгий Кедрин, Иоанн Зонара. Скилица пишет [Scyl. 240. 77-81]: «*И жена некогда отправившегося в плавание против ромеев русского архонта, по имени Эльга, когда умер её муж, прибыла в Константинополь. Крещённая и открыто сделавшая свой выбор в пользу истинной веры, она, удостоившись великой чести по этому выбору, вернулась домой*» [1, с. 118]. Незначительно дополняет эти сведения немецкий источник – Продолжатель хроники аббата Регинона (традиционно считается, в соответствии с работами В. Гизебрехта, И. Вера, Х. Изенбарта, что автором продолжения, охватывающего 907-967 гг., был современник описанных событий епископ Адальберт [10, с. 101]). Он сообщает о Елене (Ольга стала Еленой в крещении), королеве русов, «*крестившейся в Константинополе при императоре константинопольском Романе*».

Описание визита княгини Ольги в Константинополь в Повести временных лет (сообщения других летописей, в частности, Новгородской I младшего извода и Никоновской повторяют его в точности) [13, с. 166-167; 11, с. 113-116; 15, с. 29-30] практически лишено какого-либо политического окраса; по сути, оно представляет собой смесь житийно-притчевого рассказа о Константине, которого Ольга перехитрила и при этом заставила себя крестить, и пышных похвал в адрес Ольгиного христианства, вполне объяснимых временем написания и авторством летописи. Похвалы в адрес Ольги, упоминания о том, как она молилась и «*радовалась*», как безуспешно пыталась сделать Святослава христианином, повторяются и чуть позже, после обозначенного 6463 (955) годом описания визита в Константинополь [13, с. 167]. Фактически, ничего в этом рассказе, кроме даты и

имени императора, нельзя назвать хоть сколько-нибудь историчным. Среди нелетописных древнерусских источников, упоминающих о взаимоотношениях Ольги с Византией, самый ранний – «Память и похвала князю Владимиру» монаха Иакова, написанная в XI в. Иаков пишет об Ольге: *«пойдя в Царьград, приняла она святое крещение, и жила, как следует по-божески, всеми добрыми делами украсившись, и почила с миром»* [3]. В житии Ольги, вошедшем в XVI в. (в эпоху Ивана IV) в состав «Степенной книги», описывается [5, с. 16-22] очень близкая к Повести временных лет ситуация (сватовство императора и крещение, совпадения местами дословные, за исключением того, что текст насыщен многословными отвлечёнными рассуждениями), однако Ольга посещает Константинополь при Иоанне Цимисхии, причём визит датирован тем же 6463 (955) г., когда Иоанна Цимисхия на престоле, естественно, ещё не было.

Следует отметить, что описание посольства Ольги в летописи завершается интересной деталью: когда она уже возвращается в Киев, император присылает к ней послов, говорящих, что он дал ей богатые дары и ждёт ответного жеста. На это Ольга отвечает: *«Если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе»* [13, с. 167]. Этот эпизод, если предположись под ним реальную основу, может отражать проблемы, возникавшие в дипломатической деятельности княгини.

Таким образом, столь обрывочные сведения не позволяют с достоверностью утверждать, имел ли визит Ольги какое-то отношение к крещению её в православной вере. Единственный по-настоящему заслуживающий доверия источник, то есть Константин Багрянородный, по сути, ничего существенного не сообщает. Так или иначе, очевидно, что факт крещения имел место, как и факт визита; связать или отделить их друг от друга на основании имеющихся данных не представляется возможным, но летописная история о непосредственном участии императора в крещении, конечно, совершенно недостоверна, а летописный фрагмент о недовольстве Ольги ещё больше доказывает, что визит ограничился, скорее всего, каким-то неудовлетворительным для русской стороны либо для обеих сторон результатом, чего в случае с крещением в Константинополе быть не могло.

Следует особо оговорить, что советская историография, в первую очередь, Г.Г. Литаврин довольно подробно проработала концепции датировки и количества походов Ольги. Так, существует точка зрения, согласно которой поездка имела место в 957 г., уже после принятия Ольгой христианства в 954/955 гг. [8, с. 41]; либо же что крещение и поездка совпали и состоялись в 957 г. Сам Г.Г. Литаврин на основании спорных датировок как в летописи, так и у византийцев (следует помнить также, что в целом ряде источников даты сильно искажаются – приводятся даже другие имена императора, к которому приезжала княгиня), предполагал, что приём состоялся в 946 г. и не имел отношения к христианству, а крестилась Ольга в 955 г. [7]. Так или иначе, все гипотезы только демонстрируют, что возможность тесной связи визита и крещения не представляется надёжно доказанной.

В историографии за сведениями об ольгином посольстве редко обращаются к уже упомянутому продолжателю Регинона, который, как было показано выше, не сообщает ничего интересного непосредственно о визите в Константинополь, более того, путается в именах, сообщая, что она приходила *«при императоре константинопольском Романе»*. Тем не менее, в дальнейшем автор этой хроники (то есть, как уже было сказано, сам епископ Адальберт) даёт интереснейшую информацию, показывающую нам «радующуюся» своей новой вере Ольгу из русских летописей с совсем другой стороны. Адальберт пишет, что *«в лето от воплощения Господня 959-е... послы Елены, королевы русов... явившись к королю, притворно, как выяснилось впоследствии, просили назначить их народу епископа и священников»* [10, с. 107]. В 960 г. *«Либуций из обители святого Альбана посвящается в епископы для народа ругов»*; однако его немедленному отправлению туда мешают *«какие-то задержки»*, а в 961 г., 15 февраля, он умирает. Его сменяет на должности сам Адальберт (из обители святого Максимиана), который с обидой пишет, что *«ждал от епископа лучшего и ничем никогда перед ним не провинился»*, но *«должен был отправиться на чужбину»*. Король снабжает Адальберта *«всем, в чём тот нуждался»*. В 962 г. Адальберт возвращается от ругов, ни в чём не преуспев, и убедившись в тщетности своих усилий [10, с. 108]. Полностью повторяет описание этого события из Продолжателя Регинона ряд анналов (Саксонский анналист, Магдебургские анналы [10, с. 113]). В Хильдесхаймских анналах присутствует другой вариант описания той же ситуации. Там значится: *«К королю Оттону явились послы народа Руси с мольбою, чтобы он послал кого-либо из своих епископов, который открыл бы им путь истины; они уверяли, что хотят отказаться от языческих обычаев... И он согласился на их просьбу и послал к ним епископа Адальберта правой веры. Они же... во всё солгали»* [10, с. 112]. Алтайхские и Кведлинбургские анналы дают тот же текст, добавляя в конце: *«...ибо упомянутый епископ едва избежал смертельной опасности от их происков»*; у Титмара Мерзебургского, вскользь упоми-

нающего о случившемся, формулировка «изгнан оттуда язычниками» [10, с. 138]. С небольшими текстовыми изменениями то же сообщают анналы Ламперта и Оттенбойренские анналы [10, с. 112]. Во всех этих анналах событие датируется 960 г. Таким образом, вероятно, все эти анналы идут от другой, менее достоверной традиции.

На первый взгляд, в источниках ничего не сообщается о киевских правителях, которые принимали попытки принимать какую-либо другую веру, кроме православной. Тем не менее, на самом деле такое сообщение есть, причём в самой Повести временных лет: это рассказ о «выборе веры» Владимиром, кажущийся на первый взгляд одним из многочисленных летописных сказаний былинного типа. История прихода к Владимиру религиозных посольств описывается под годами 6494 и 6495 (986-987). Приходят «болгары магометанской веры», «иноземцы из Рима», «хазарские евреи» и, наконец, «прислали греки к Владимиру философа». Философ рассказывает о том, насколько ошибаются все приходившие до него, и подробно рассказывает об основах православия; рассказ чрезвычайно впечатляет Владимира, князь отпускает философа «с честью великою» [13, с. 185]. Владимир советуется с приближёнными, собирает посольство из десятирех человек и отправляет во все эти страны; когда они пришли в Царьград, царь «сотворил им почести великие». Вернувшись, послы ругают все страны, а о Византии сообщают: «нет на земле такого зрелища и красоты такой... пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах». Владимир принимает решение креститься в этой вере [13, с. 186].

Ряд арабских авторов (в частности, писавший около 1120 г. Марвази, чьё сочинение «Об естественных свойствах животных» является самым старым арабским списком рассказа о славянах [2, с. 129, 133]) могут интересным образом дополнить эти данные. Они пересказывают легенду о принятии князем Буладмиром (очевидно, Владимир) христианской веры. Правда, эта вера вскоре сменяется исламом. Строго говоря, датировки арабов относятся к началу и середине X в., однако упоминание имени князя в данном случае представляется более существенным (арабские авторы редко ссылаются на конкретные имена при описании других событий – например, войны Игоря у того же Марвази). Марвази пишет, что русы «приняли христианство в месяцах 300 [912-913 г.]. Когда они обратились в христианство, вера притупила их мечи, двери добычи закрылись за ними, и они вернулись к нужде и бедности, сократились у них средства к существованию. Вот они и захотели сделаться мусульманами, чтобы были дозволены для них набег и священная война, возвратиться к тому, что было раньше. Вот они и послали послов к владетелю Хорезма, четырёх мужей из приближённых их царя, называется их царь Буладмир... Пришли послы их в Хорезм, поведали цель посольства, обрадовался Хорезм-шах... и послал к ним кого-то, чтобы тот наставил их... и обратились они в ислам» [2, с. 106]. То же сообщение в несколько искажённом виде повторяется у Ауфи, у Мухаммада Катиба (с другой датой – 333, т. е. 944-945 г. - и указанием того, что русы уже приняли ислам, когда послали к Хорезм-шаху), у Димашки (с другой датой – 375, т. е. 985-986 г.) [2, с. 106-107].

В дополнение к этому, в средневековье в Польше существовала легенда о половце, который, поехав в Александрию и там крестившись коптом, написал Владимиру послание об истинной вере [9].

На основании этих источников есть основания предполагать следующее: начиная как минимум с Ольги и вплоть до Владимира проводилась последовательная политика «выбора веры», которая потом нашла своё отражение в фольклоре, каковой, в свою очередь, лёг в основу летописного сказания. Не послы приходили к князю; напротив, князь посылал послов, причём не с просьбой рассказать о вере, а сразу сообщая лидерам других государств о готовности её принять: доказательство тому – сообщения Адальберта и арабов. Ольга послала с подобным предложением к Оттону; Ярополк, как также известно, вёл какие-то переговоры с папой; отношения с хазарами, судя по так называемому Кембриджскому документу, были довольно тесными [12]; Владимир посылал к саманидскому эмиру (ошибочно названному в источнике хорезмшахом); существовал (возможно) контакт с коптами; наконец, судя по всему, Владимир снарядил посольство в Константинополь, что и нашло отражение в летописном фрагменте за 987 г. (а также, например, в свидетельстве Илариона, писавшего, что «непрестанно слушал он о православной Греческой земле, христолобивой и сильной верою... и, слыша это, возгорелся духом и возжелал он сердцем стать христианином» [4]). В полном соответствии с Повестью временных лет, в итоге, после неудачи с западным христианством и (вероятно) исламом, так или иначе «заинтересованный» православием, Владимир избирает именно его.

Каким образом можно подытожить имеющиеся данные и предположения о религиозной политике Ольги? Как известно, на протяжении первой половины X в. Русь начала утверждать себя на торговом и военном поприще (в случае с русско-византийскими отношениями примером могут служить договоры 911 и 945 гг.) Ольга проявила себя дальновидным политиком и положила начало культурному взаимодействию своей страны с более развитыми соседями – взаимодействию, которое продолжалось полвека и завершилось Крещением Руси. Её личное принятие православия

нельзя однозначно считать политическим жестом – вполне возможно, что это действительно, как утверждают русские летописи, было её личным, а не государственным делом. Однако попытка «латинской» миссии на Русь демонстрирует, что замысел отхода от язычества в государственном масштабе возник именно тогда; именно в этом и следует видеть главную политическую заслугу киевской княгини.

Источники и литература.

1. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Логос, 1999. 608 с.
2. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Том II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1967. 211 с.
3. Иаков монах. Память и похвала русскому князю Владимиру. Пер. Н. И. Милютенко [Электронный ресурс] // Сайт «Электронные публикации института русской литературы (Пушкинского дома)». Режим доступа: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4870>
4. Иларион. Слово о законе и благодати митрополита Илариона. Пер. А. Юрченко [Электронный ресурс] // Сайт «Электронные публикации института русской литературы (Пушкинского дома)». Режим доступа: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4868>
5. Книга степенная царскаго родословія, содержащая историю российскую съ начала оныя до времени государя царя и великаго князя Иоанна Васильевича, сочинённая трудами преосвященных митрополитовъ Киприана и Макарія. Часть 1. М.: При Императорскомъ УниверситетѢ, 1775. 589 с.
6. Константин Багрянородный. О церемониях. [Электронный ресурс] // Сайт «Восточная литература». Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr/cerem.phtml?id=731
7. Литаврин Г.Г. О датировке посольства Ольги в Константинополь // История СССР, 1981. № 5. С. 173-183.
8. Литаврин Г. Г. Русско-византийские связи в середине X века // Вопросы истории, 1986, № 6. – С. 41-52.
9. Ломоносов М. В. Древняя российская история от начала российского на-рода до кончины великаго князя Ярослава первого, или до 1054 года [Электронный ресурс] // Сайт «Русская наука в интернет». Режим доступа: http://rusnauka.narod.ru/lib/author/lomonosov_m_v/3/
10. Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX-X веков. Тексты. Перевод. Комментарий. М.: Наука, 1993. 240 с.
11. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 576 с.
12. Отрывок из письма неизвестного хазарского еврея X века. Пер. П.К. Коковцова [Электронный ресурс] // Сайт «Гипотезы, теории, мировоззрение Л. Н. Гумилёва». Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/Rest/rest0505.htm>
13. Повесть Временных лет. Ч. 1. Текст и перевод / Подготовка текста: Д.С. Лихачев, пер.: Д.С. Лихачев, Б.А. Романов. - М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 408 с.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Издание второе. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1926-1928. 379 с.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 277 с.